
РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕРТВ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА В 1939–1941 ГГ.: НАМЕРЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Г.А. Бордюгов

Научно-исследовательский центр
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО – XXI)
ул. Чусовская, 11-7, Москва, Россия, 107207

В статье анализируются попытки сталинского режима власти расследовать нарушения «социалистической законности» в 1937–1938 гг. На основании документов из центральных и региональных архивов показываются способы регулирования этого процесса, его масштабы и участники, а также причины свертывания процесса реабилитации.

Ключевые слова: террор, репрессии, реабилитация, законность, внесудебные органы.

Процесс реабилитации жертв массовых репрессий 1930-х гг. обычно связывается с кампанией по десталинизации, начатой Н.С. Хрущевым с 1953 г. Однако понятие «реабилитация» не является изобретением хрущевской эпохи. Оно обсуждалось уже в 1939–1941 гг. в связи с расследованием нарушений «социалистической законности», допущенных при проведении массовых операций против «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» в 1937–1938 гг. Так, на партсобрании в НКВД Сталинской области в конце января 1939 г. рядовой Поляков выдвинул требование: «Троечные дела мы должны пересмотреть через призму партийности, невиновных реабилитировать, виновных судить» (1). Прокурор СССР М.И. Панкратьев направил 3 октября 1939 г. военному прокурору Туркменской ССР разрешение, в соответствии с которым «вопрос о реабилитации незаконно осужденных к ВМН [высшей мере наказания. – Авт.] можно ставить в каждом отдельном случае перед наркомом вн[утренних] дел СССР и прокуратурой Союза» (2).

Между тем нынешняя ситуация с доступом к источникам по реабилитации остается сложной, публикации по этой проблеме практически отсутствуют (3). В данной статье применительно к 1939–1941 гг. обобщены и дополнены архивными материалами немногие источники из различных документальных сборников, изданных после 1991 г. Исследовательские вопросы формулировались следующим образом: как был канализирован поток жалоб на решение троек, действовавших в 1937–1938 гг.; сколько пересмотров вынесенных приговоров было допущено; какова была их доля в отношении других приговоров внесудебных органов?

Прозвучавшая в ноябре 1938 г. резкая критика работы НКВД и Прокуратуры СССР в период 1937–1938 гг. вызвала большие надежды на то, что ЦК ВКП(б) и Совнарком предпримут шаги для реабилитации сотен тысяч неправомерно осужденных граждан. Однако в официальных циркулярах и директивах понятие «реабилитация» отсутствовало. Речь шла только о строгом регулировании процесса пересмотра, в слишком общей форме отражавшегося еще в кодексах 1922–1926 гг.

26 декабря 1938 г., после прекращения деятельности троек, из НКВД и Прокуратуры СССР на места была направлена директива № 2709, которую ряд исследователей характеризуют как «реабилитацию 1939–1940 гг.» (4). В ней определялось, как следовало реагировать на уже поступившие протесты против приговоров этих внесудебных органов, которые направлялись как родственниками преследуемых лиц, так и самими осужденными в прокуратуру, партийные органы и непосредственно руководящим деятелям партии. Директива № 2709 была дополнена многочисленными дополнительными приказами НКВД и Прокуратуры СССР.

Приказ НКВД № 00116 «О порядке рассмотрения жалоб осужденных бывшими тройками НКВД (УНКВД)» от 4 февраля 1939 г. регулировал детали процесса пересмотра приговоров, вынесенных «тройками» и милицеским тройками (5). НКВД и милиция должны были при поступлении жалобы в течение двух недель опросить свидетелей и проверить «документацию представления», т.е. дело осужденного. Регулировался также случай отмены приговора. Высшей же заповедью было при этом избежание всякого политического или социального риска: с каждым освобождавшимся следовало провести индивидуальную беседу и к тому же за освобожденным лицом следовало наблюдать. Об отказе в пересмотре приговоров необходимо было сообщать лицам, которых они касались.

При фактически новой ситуации мог начаться и последующий пересмотр, правда, до 1954 г. в изученных нами следственных актах не были зафиксированы подобные примеры. Следует принять во внимание, что пересмотр «находился непосредственно в руках бывших преступников или их преемников, будучи подконтрольным 1-му спецотделу НКВД СССР и соответствующим отделам УНКВД республик, краев и областей» (6). В случае вынесения приговоров тройками функция прокуратуры заключалась в том, чтобы побудить проверить и затем утвердить пересмотр дел теми, кто осуществлял уголовное преследование (7). Лишь в немногих случаях прокуратура проводила собственные исследования, и то если налицо были явные нарушения закона.

Результатом созванной 19 февраля 1939 г. координационной встречи руководящих представителей НКВД и прокуратуры стал совместный приказ № 00156 от 20 февраля 1939 г., регулировавший будущее «сотрудничество», т.е. контроль со стороны прокуратуры за следственными делами, проведенными НКВД (8). Тем самым еще раз было подчеркнуто, что 1937 и 1938 г. ушли в прошлое.

Еще одна проблема НКВД и прокуратуры заключалась в том, какую процедуру следовало применять при аннулировании приговоров внесудебных органов. Они, по утверждению Л. Берия, с 1927 г. касались 2,1 млн людей, имевших судимость (9). Предлагалось аннулировать судимость в течение трех лет после освобождения при условии хорошего поведения (10). Правда, под эти меры не попадали приговоры, вынесенные в соответствии с политической 58-й статьей, абзацами 1–14. Снятие этих судимостей должно было быть возможным только по решению «особого совещания». В каком объеме действовало «особое совещание», неизвестно. Можно предположить, однако, что факт погашения судимости был не автоматическим, а являлся результатом деятельности специального органа в ведомстве, осуществлявшем преследование, и индивидуального процесса, и это на практике оказывалось равнозначным отказу в погашении судимости. Тем самым политические преступления вновь выходили на первое место по своей значимости в сравнении с социальными нарушениями.

Для осуждений «кулацкими тройками» в соответствии с приказом НКВД № 00447 (31 июля 1937 г.), если говорить об Украине и Алтайском крае, характерно проведение значительного числа групповых дел. Следствием этого было объединение дел обвиняемых в большие многотомные дела, в которых повторялись многочисленные пункты обвинения. Приказ № 00497 от 8 мая 1939 г. (12) учитывал этот факт и отменял применительно к таким случаям имевший основополагающее значение принцип индивидуального пересмотра следственных дел, т.е. если даже только одно лицо из группового дела жаловалось на вынесенный приговор, остальные случаи должны были быть подвергнуты расследованию.

С практикой проверки этого, однако, была связана другая проблема. Было не ясно, как следовало поступать с теми лицами, которые были приговорены к смертной казни? За время с 1939 по 1941 г. в рамках приказа № 00447 не нашлось ни группового, ни индивидуального дела, в которых смертный приговор подвергался бы расследованию или даже пересмотру. В целом остается неясным, могло ли быть вообще отдано распоряжение о проверке по запросам родственников (без одновременной жалобы осужденных)?

В приказе № 00497 дополнительно дается указание об отмене приговоров лицам, ошибочно переданным на тройки (приказ № 00447) и, собственно, долженствовавших быть осужденными судом, и о проведении судом дополнительного расследования.

Так, в начале ноября 1939 г. прокуратура Новосибирской области вынесла протест по делу С.И. Кандакова, который в качестве «социально опасного элемента» был осужден вместо суда милицейской тройкой или кулацкой тройкой. Хотя 21 января 1940 г. железнодорожная милиция Томского узла после пересмотра дела ходатайствовала о немедленном освобождении Кандакова, а прокурор области А.В. Захаров скрепил эту рекомендацию своей подписью 28 февраля, тем не менее руководство лагеря 5 мая отказалось ос-

вободить заключенного. Лагерное начальство ссылалось на неопубликованный до того момента приказ НКВД СССР № 00493 от 23 апреля 1940 г. В результате Кандаков оставался в лагере, а его реабилитация последовала лишь спустя 22 года – в 1962 г. (13).

Приказ № 0165 от 23 апреля 1940 г. впервые не содержал расширения предшествующих положений касательно обращения с пересмотром приговоров, вынесенных тройками, а недвусмысленно отменял предшествовавшие приказы (14). Дифференцированный до тех пор подход был заменен огульным. Все приговоры, вынесенные тройками, в том числе и милицейской тройкой, подвергались пересмотру только через «особое совещание». Децентрализованный до тех пор процесс, в ходе которого 1-й специальный отдел областного и краевого управлений НКВД, а также соответствующий отдел в милиции могли подтвердить пересмотр и начать соответствующие мероприятия, был централизован или перенесен в Москву, а значит, явно регламентирован и замедлен (15). Он фактически завершил так называемую «бериевскую оттепель».

Обратимся к конкретным и весьма показательным примерам. В 1939 г. дошло до настоящего потока протестов, с которым прокуратура могла справиться, только прилагая большие усилия (16). В частности, в Новосибирской области сразу же начался пересмотр 179 приговоров, вынесенных тройками, о чем был проинформирован 1-й спецотдел областного управления НКВД. В 716 случаях прокуратура призвала НКВД провести дополнительные расследования. Затем на протяжении первых шести месяцев 1940 г. прокуратурой были проверены 1747 приговоров троек; против 402 начат пересмотр, а 850 дел были переданы НКВД для доследования (17).

Давление на НКВД усиливалось в Новосибирской области еще и из-за того, что прокуратура размещалась непосредственно в здании областного управления НКВД (18). В Карелии НКВД в 1939–1940 гг. подверг пересмотру 407 приговоров троек. 217 осужденным было отказано в снижении приговора, 133 человека были освобождены из лагеря и 57-ми сокращены сроки заключения (19).

В Киевской области с 20 ноября 1938 г. по 20 января 1939 г., т.е. за два месяца УНКВД отобрало для пересмотра 902 дела. По всей Украине с 1 января 1939 по 1 марта 1940 г. прокуратура насчитала в целом 170 855 жалоб (в республиканские органы – 46 695, в областные прокуратуры 16 областей – 124 160). Вслед за тем прокуратура УССР истребовала 1940 (4,2%), а областные прокуратуры 28 296 (22,8%) следственных дел.

В областную прокуратуру до 16 апреля 1940 г. из 28 296 следственных дел поступило, однако, только 12 672 (44,8%). 10 030 следственных дел было проверено. В конце концов только применительно к 2390 следственным делам последовал протест прокуратуры, т.е. требование начать производство по пересмотру дела, обращенное к инстанциям, подготовившим следственные дела по соответствующим лицам (20).

Кроме того, кульминация обширного вмешательства прокуратуры, как представляется, уже прошла. Если в Киевской области в конце 1938 г. на

протяжении двух месяцев было передано еще 902 дела для кассационного производства, то с 1 января 1939 г. по 1 марта 1940 г. в той же области речь идет только о 325 следственных делах (21).

Проблема, как в случае с Киевом, так и применительно к впечатляющему поначалу общему числу жалоб для всей Украины, состояла в том, что не было ясно, какие жалобы, а затем протесты прокуратуры касались приговоров, вынесенных тройками. Петербургский историк В. Иванов сообщает применительно к Ленинградской области об очень малой доле жалоб от осужденных тройками. По его данным, до 15 мая 1939 г. в прокуратуру поступили лишь 852 жалобы, а во 2-й отдел УГБ – около 200 (22).

Выборочные проверки следственных дел троек в Алтайском крае и Калининской и Пермской областях показали, что, вероятно, подавляющее большинство дел, которые НКВД получил обратно от прокуратуры в 1939–1941 гг., заканчивались отказами. Это, однако, не было как-то связано только с тем, что НКВД и милиция затягивали дела и при новом опросе свидетелей могли сформулировать правильные вопросы, которые вели к подтверждению старого обвинительного заключения. Пересмотр решительно отвергался даже в том случае, если показаниями свидетелей или отзывом сельсовета хотя бы только частично «подтверждалась правильность» пусть незначительного нарушения лояльности прежних обвиняемых (23).

Формальные ошибки едва ли играли какую-либо роль и не вели автоматически к приостановлению исполнения приговора. Небольшой шанс на освобождение существовал в том случае, если родственники могли мобилизовать в пользу обвиняемого «влиятельных людей» в НКВД. Прокуратура энергично настаивала на пересмотре, и НКВД оказывался готов, в виде исключения, проявить добрую волю.

Несмотря на негативный в целом итог, внимание прокуратуры к нарушениям «социалистической законности» и в особенности к пересмотру приговоров привело к формированию несколько иной атмосферы в среде юристов. Возникли неудобные вопросы о том, как можно было компенсировать страдания жертв нарушений, допущенных НКВД. Это способствовало размышлению о характере реабилитации, которая не могла ограничиться только чистым пересмотром дел, а предполагала социальную и материальную компенсацию пострадавшим от государства, тем более что до 1939 г., как представляется, не было соглашений о каких-либо ее деталях (24).

Прокурор Новосибирской области А.В. Захаров, к примеру, принял для себя решение, заявив: «Я считаю, что дальше нельзя обманывать родственников осужденных и этим заставлять их без конца жаловаться и бесполезно наводить справки... Многие из граждан знают уже о многочисленных фактах безобразий, которые творились в органах НКВД в период 1937–1938 гг., поэтому наши справки об осужденных не только не достигают никакой цели, а наоборот подрывают авторитет прокуратуры» (25).

Возобладало мнение о том, что при расстреле совершенно невиновных людей «должны быть реабилитированы семьи расстрелянных и было бы

преступно продолжать издевательство над этими семьями, – убеждать их в том, что арестованные их родственники осуждены правильно, что они заключены в лагерь и т.д.» (26). О необходимости материальной компенсации за несправедливо конфискованное имущество открыто размышлял Прокурор войск НКВД Туркменского погранокруга Кошарский (27).

Однако следует признать, что в целом рвение властей в процессе реабилитации было небольшим. Историк П. Хински, размышляя о «малой оттепели Берия» в своей книге «Микро-история “Большого террора”», точно резюмирует: «В действительности улучшение климата, наметившееся осенью 1938 г., породило в лучшем случае ручеек освобождений» (28).

Исходя из исчезающе малой численности положительных пересмотров следственных дел, заведенных в соответствии с приказом № 00447, уместно будет говорить применительно к жертвам троек даже всего лишь о «струйке». Так, в Алтайском крае в 1939–1940 гг. было отменено около 0,35% всех приговоров, вынесенных здесь тройками (29); в Карельской АССР из 5724 осужденных тройками на свободу, т.е. из лагеря, были выпущены 2,3% (30). В 1950–1960-е гг. эта доля существенно повысилась, но даже и по сей день не произошло реабилитации всех без исключения лиц, осужденных внесудебными органами. Эти органы и их приговоры до сих пор не были объявлены в принципе незаконными, т.е. решения троек до сегодняшнего дня обладают юридической силой.

Прокуратура, как и прежде, при проверке дел строго следует принципу индивидуального рассмотрения дел. Применительно к жертвам приказа № 00447 это возымело отрицательное воздействие и сказалось прежде всего на пересмотре следственных дел так называемых уголовных преступников. Тем самым выплата компенсаций за массовые преследования все еще остается политически зависимой. На самом деле принципиально важным было бы решение о прекращении действия всех приговоров, которые выносились внесудебными органами. В трудных, особых случаях можно было бы пойти на новое разбирательство с последующим решением о праве на компенсацию.

Конкретизируя проблему, становится очевидным, что сегодня сам характер и способ восстановления «социалистической законности» 1939–1941 гг. подлежат осуждению. Достаточно указать на такое обстоятельство, что следствие и решение о реабилитации репрессированных лиц с самого начала находились в руках ведомства, осуществлявшего следствие и игравшего главную роль в вынесении приговора тройки. Крайне малое число случаев реабилитации жертв массовых репрессий (конкретное число еще не установлено), серьезная регламентация процесса пересмотра дел, проведенная по приказу № 00165 от 23 апреля 1940 г., являются убедительным признаком того, что кампания, проходившая под девизом восстановления «социалистической законности», не должна была идти на пользу жертвам массовых репрессий. Она была средством обеспечения нового подчинения и переори-

ентации деятельности НКВД и прокуратуры, а также других прямых и косвенных участников преследований – партии и государственных управленческих структур.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: В 2 т. – М., 2001. – Т. 1.
- (2) История сталинского ГУЛАГА. – М., 2004. – Т. 1. – С. 358–359.
- (3) В репрезентативной публикации источников под названием «Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы»: В 3-х т. (М., 2000–2003) нельзя найти документов по 1939–1941 гг. Небольшим исключением являются работы: *Adler N. Overleven na de Goelag. Het lot van Stalins slachtoffers na hun kamptijd.* – Amsterdam, 2006; *Chinsky P. Micro-histoire de la Grande Terreur. La fabrique de culpabilité à l'ère stalinienne.* – Paris, 2005.
- (4) Например, издатели книги памяти «Бутовский полигон. 1937–1938». – М., 1997.
- (5) Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 8131. – Оп. 37. – Д. 136. – Л. 2–2 об.
- (6) Только с сентября по декабрь 1938 г. были арестованы 332 представителя руководящих кадров. См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. – М., 2004. – С. 663 [примеч. 91].
- (7) Подробнее см.: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008. – С. 504–505.
- (8) ГАРФ. – Ф. 8131. – Оп. 37. – Д. 136. – Л. 2–2 об.
- (9) Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР/ «Смерш» 1939 – март 1946. Документы. – М., 2006. – С. 23–24.
- (10) Эти меры сопровождались двумя постановлениями Политбюро от 10 июля 1939 г. и 19 октября 1939 г., разрешавшими «досрочные» освобождения из лагерей и тюрем. См.: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР... – С. 106.
- (11) Трагедия советской деревни. – М., 2006. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 388–389.
- (12) Там же.
- (13) Архив информационного центра Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее – АИЦ ГУВД КеО). – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 996. – Л. 60.
- (14) ГАРФ. – Ф. 8131. – Оп. 37. – Д. 136. – Л. 6.
- (15) История сталинского ГУЛАГА... – Т. 1 – С. 334.
- (16) ГАРФ. – Ф. 8131. – Оп. 37. – Д. 139. – Л. 48–50.
- (17) Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). – Ф. Р-20. – Оп. 259. – Л. 31; См. также: ГАНО. – Ф. Р-20. – Оп. 256. – Л. 10 (1.1–46).
- (18) ГАНО – Ф. Р-20. – Оп. 4. – Д. 3. – Л. 1 (Л. 1–10).
- (19) *Чухин И.И.* Карелия-37. Идеология и практика террора. – Петрозаводск, 1999. – С. 130.
- (20) Через трупы... – Т. 2 (в печати).
- (21) Там же.
- (22) *Иванов В.А.* Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. На материалах Северо-Запада РСФСР. – СПб., 1997. – С. 233.
- (23) См.: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора... – С. 504–506.
- (24) *Иванов В.А.* Миссия ордена... – С. 232–233.

- (25) ГАНО. – Ф. Р-20. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 9–10.
- (26) Там же.
- (27) История сталинского ГУЛАГА... – Т. 1. – С. 358–359.
- (28) *Chinsky P. Micro-histoire de la Grande Terreur*. – Paris, 2005. – S. 135.
- (29) См.: *Гридунова И.А.* Роль прокуратуры Алтайского края и Новосибирской области в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 // Сталинизм в советской провинции. 1937–1938. По данным А. Степанова (Проведение «кулацкой операции» в Татарии); См.: *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». – М., 2003. – С. 288.
- (30) *Чухин И.* Карелия–37. Идеология и практика террора... – С. 130.

REFERENCES

- (1) «*Cherez trupy vruga na blago naroda*». «*Kulackaja operacija*» v *Ukrainskoj SSR 1937–1941 gg.* [«Through the corpses of the enemy for the good of the people.» «Kulak Operation» in the Ukrainian SSR 1937-1941 gg.]. Moscow, 2001, vol. 1.
- (2) *Istorija stalinskogo GULAGA* [History of Stalin's Gulag]. Moscow, 2004, vol. 1, pp. 358–359.
- (3) Adler N. *Survive after the Gulag. The fate of Stalin's victims after their camp time*. Amsterdam, 2006 (in Germany); Chinsky P. *Micro-history of the Great Terror. The Making of guilt Stalinist era*. Paris, 2005 (in French).
- (4) *Butovskij poligon. 1937–1938* [Butovo's test site]. Moscow, 1997.
- (5) State archive of the Russian Federation (GA RF), f. 8131, op. 37, d. 136, ll. 2-2ob.
- (6) *Lubjanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. 1937–1938* [Lubyanka. Stalin and the Department of State Security of the NKVD]. Moscow, 2004, p. 663, note 91.
- (7) Junge M., Bordjugov G., Binner R. *Vertikal' Bol'shogo terrora. Istorija operacii po prikazu NKVD № 00447* [Vertical of Great Terror. The history of operations on the orders of the NKVD № 00447]. Moscow, 2008, pp. 504–505.
- (8) «*Cherez trupy...*» [«Through the corpses...»], vol. 2 (in print); GA RF, f. 8131, op. 37, d. 136, ll. 2–2ob.
- (9) *Lubjanka. Stalin i NKVD-NKGB-GUKR «Smersh» 1939 mart 1946. Dokumenty* [Lubyanka. Stalin and the NKVD-NKVD-GUKR «Smersh» 1939 in March 1946. Documents]. Moscow, 2006, pp. 23–24.
- (10) See the same, p. 106.
- (11) *Tragedija sovetskoj derevni* [The tragedy of the Soviet countryside]. Moscow, 2006, vol. 5, book 2, pp. 388–389.
- (12) Ibid.
- (13) AIS GUV D KemO, f. 10, op. 3, d. 996, l. 60.
- (14) GA RF, f. 8131, op. 37, d. 136, l. 6.
- (15) *Istorija stalinskogo GULAGA...* [History of Stalin's Gulag], vol. 1, p. 334.
- (16) GA RF, f. 8131, op. 37, d. 139, ll. 48–50.
- (17) GANO, f. R-20, op. 259, l. 31; Also see: Ibid., l. 10 (l.1–46).
- (18) Ibid., op. 4, d. 3, l. 1 (L. 1–10).
- (19) *Chuhin I.I. Karelija-37. Ideologija i praktika terrora* [Karelia-37. The ideology and practice of terror] Petrozavodsk, 1999, p. 130.
- (20) «*Cherez trupy...*» [«Through the corpses»], vol. 2 (in print)
- (21) Ibid.

- (22) Ivanov V.A. *Missija ordena. Mehanizm massovyh repressij v Sovetskoj Rossii v konce 20–40 h gg. Na materialah Severo-Zapada RSFSR* [The mission of the Order. The mechanism of mass repressions in the Soviet Russia in the late 20's – 40's. On materials of the North-West of the RSFSR]. SPb., 1997, p. 233.
- (23) Junge M., Bordjugov G., Binner R. *Vertikal' Bol'shogo terrora...* [Vertical of Great Terror], pp. 504–506.
- (24) Ivanov V.A. *Missija ordena...* [The mission of the Order], pp. 232–233.
- (25) GANO, f. R-20, op. 1, d. 248, ll. 9–10.
- (26) Ibid.
- (27) *Istorija stalinskogo GULAGA...* [History of Stalin's Gulag], vol. 1, pp. 358–359.
- (28) Chinsky R. *Micro-history of the Great Terror* (in French), p. 135.
- (29) Gridunova I.A. *Ctalinizm v sovetskoj provincii. 1937–1938. Po dannym A. Stepanova (Provedenie «kulackoj operacii» v Tatarii)* [Stalinism a Soviet province. 1937–1938. According to Stepanova (Conduct «kulak operation» in Tattary)]; Junge M., Binner R. *Kak terror stal «Bol'shim»* [As terror became «great»]. Moscow, 2003, p. 288.
- (30) Chuhin I. *Karelija-37. Ideologija i praktika terrora...* [Karelia-37. The ideology and practice of terror], p. 130.

EARLY REHABILITATION OF GREAT TERROR VICTIMS IN 1939–1941: INTENTIONS AND RESULTS

G.A. Bordjugov

Research Centre

Association of Researchers of Russian Society (AIRO – XXI)

Chusovskaya Str., 11-7, Moscow, Russia, 107207

The article analyzes the early attempts of the Stalin regime to investigate the cases of «breaking the socialist law» in 1937–1938. On the basis of the documents of central and local archives, the author examines the methods of this process, its scope, participants as well as the reasons for its abandoning.

Key words: terror, repressions, rehabilitation, law, extrajudicial bodies.